

в ролях:

*П. Плисов
А. Гранат
М. Иванова
А. Леньков
М. Казенная
Д. Левин*

фильм Н. Бурмана

МАГИЯ **ЧЕРНАЯ *и* БЕЛАЯ**

Магия черная и белая

В. ПРИЕМОХОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Лебедева

Мы с Винтом соседи и закадычные друзья. Его зовут Винт, потому что он Витя. Меня — Кухня, из-за фамилии Кухтин.

В тот день четыре урока прошли нормально. Оставался последний — математика, но Нина Исидоровна, учитель по математике и наш классный руководитель, болела вторую неделю и, ясное дело, пятого урока могло не быть. Меня послали на разведку. По пути забегаю в туалет, там Серега Бряндин из соседнего класса.

— А ты че тут? — спрашиваю.

— Выгнали, боюсь, завуч в коридоре поймает.

Чуть было не позабыл, уже от дверей вспоминаю:

— Бряндя, куда мой «Остров сокровищ» девал? Думаешь, я забуду?

— Понимаешь, — начинает Бряндя, — я положил ее дома...

— В общем, чтоб книга была, понял?!

Вот и давай книги после этого, замучаешься потом.

Бегу я по пустому коридору, смотрю — народ: наш директор, с ним незнакомый парень в очках и чужая девчонка, разодетая, как на начало учебного года. Она плачет, взрослые утешают.

— Я тоже новенький, — говорит парень в очках, — мне тоже страшно. Давай вместе реветь, а?!

Директор поманил меня пальцем.

— Что вы?! — говорю я. — Меня никто не выгонял. У нас Нина Исидоровна болеет, честное слово...

Стал я центром внимания, девчонка притихла. Директор — тому, в очках:

— Ваш ученик.

— Отлично, — говорит парень. — Этот гражданин нам дорогу и покажет...

Привел я новеньких в класс — ш-ших! — все встали. В очках проходит на учительское место. Девочка держится около него, не плачет, но от волнения вся розовая. Класс недоумеваает, все на меня смотрят.

— Граждане, — начинает в очках, — я ваш новый классный. А это девочка Эльвира, ваш новый товарищ. Мы с ней не родственники, просто так совпало.

Эльвира вроде и не плакала никогда, стоит важная, а когда он назвал ее имя, она поклонилась, как какая-нибудь марионетка. Ох, не понравилась мне она, я людей с первого взгляда вижу. Ох, не проведешь меня никакими бантиками...

— Садись, — говорит ей новый классный.

— Спасибо, — говорит она вежливо и топает на мое место, рядом с Винтом.

Я, забытый, все у дверей стою.

— Это мое место! — опомнился я.

— Разберетесь, — сказал классный.

Не стал я спорить, все равно до конца урока полчаса. Какая разница, где досиживать.

Звали нашего нового учителя математики Валентин Дмитриевич.

— Если ничего не случится, — говорит он, — а я думаю, ничего, то я буду вашим классным до десятого класса и увижу мальчиков усатыми, а девочек без кос. Хотя честно, косы мне нравятся, а усы не очень. Мое прозвище в другой школе было «Митя», так что не затрудняйтесь. По-моему, симпатичное прозвище...

В классе стали переглядываться и шептаться, необычно он начинал, Валентин Дмитриевич. Он попросил разрешения задать нам вопрос. Мы — всегда пожалуйста.

— Что определяет лицо класса?

Это для нас не вопрос.

— Успеваемость! Дисциплина! Домашние задания! Надо родителей любить! Слушаться учителей! Активность!

Быстро мы выговорились. Он на нас печально смотрит: мол, что ж вы такие чурки — полный класс? Остается у него одна надежда на новенькую. Она в хоре не кричала, дисциплинированная, ждала своей минуты. Встает аккуратно, говорит тихо, но попадает в самую точку:

— Главное в классе — коллектив.

Этого Валентину Дмитриевичу и надо было. Он не собирался заниматься нашим воспитанием или успеваемостью, это дело коллектива, он не будет командовать нами, а только направлять. Такой у него был педагогический подход.

— Староста! — говорит классный.

Встает Симакин и краснеет. Он всегда краснеет.

— Какие неприятности ожидают нас в конце года?

Симакин пожал плечами.

— Все отличники?

Симакин сразу посмотрел на нас с Винтом.

— Да нет.

— Говори, говори! — подбадриваю я его.

— По математике может у нас остаться на осень, — до невозможности краснеет Симакин, — Кухтин Сева, по литературе — Елхов Витя.

Не жду. Поднимаюсь:

— Валентин Дмитриевич, обещаем с Елховым не подвести. Я помогу ему по литературе, а он — по математике. Коллективно!

— Это разговор! — сказал классный.

Поставил свой портфель на стол, вытащил из него толстую сложенную бумагу. Поинтересовался, кто из нас ходил в походы. Класс поднял руки — в походы ходили все.

— Ну и как? — хитренько спрашивает классный, разворачивает свою бумагу, а это карта. Он приколот ее кнопками к доске — карта нашей области. — Неужели не понравилось?

— Комары кусают, — отвечал класс. — А вообще интересно...

Нам, оказывается, не везло. Мы просто не были

в местах, где не ступала нога человека. Да, да, есть, оказывается, такие места, до сих пор существуют, и наш классный, вот этот парень в очках, поведет нас по ним. Мало того, в этом походе или путешествии он научит, как в лесу обходиться без соли и хлеба, как утолить жажду, если нет речки или родника, как добыть огонь без спичек, не заблудиться в самом дремучем месте... В общем, он пообещал сделать из нас настоящих индейцев. Мало того. Наше путешествие не будет бессмысленной прогулкой, от нас будет польза. Маршрут наш проляжет, где растут редчайшие лекарственные растения. Мы научимся их собирать. Например, некоторые надо рвать до восхода солнца, а другие — наоборот, только в полдень. Мы сдадим эти травы государству, подкопим деньги, купим лодочные моторы и на следующий год двумя лодками пустимся в новый поход. Если, конечно, нам все это приглянется.

Мы не выдержали, закричали «ура».

— Объясняю маршрут, — улыбается Валентин Дмитриевич.

Как он говорить умен! Ничего вроде особенного, никаких лишних слов. Пойдем туда, пойдем сюда, а представишь — дух захватывает и за сердце берет.

Я сразу загорелся. Нашел дома в кладовке старый вещмешок, долго перед сном застегивал его и расстегивал, прикидывал на себя. Перед сном повесил на спинку кровати. Уж очень мешок пах местами, где не ступала нога человека.

— Откуда ты эту рвань притащил? — заворчала бабушка.

— Бабуль, — говорю спокойно, — я в твои дела не вмешиваюсь, верно? Это не рвань, а вещмешок, поняла?

Бабушка не поняла. Погасила у меня свет и ушла. Я в темноте загадал про поход. Но приснилась какая-то чепуха.

Люблю я утром приходиться в школу. За ночь по людям соскучишься, а тут столько знакомых. Идем мы с Винтом, здороваемся направо-налево. Каждый обязательно у меня спросит:

— Ой, что это у тебя?

У меня вместо портфеля вещмешок с учебниками.

— Ты был, где не ступала нога человека? — спрашиваю.

— Сейчас уж люди все пооткрывали! — отвечают.

— Подойди ко мне осенью, я тебе оттуда камешек принесу.

— Хохмач ты, Кухня, — говорит Винт.

— Пусть смеются, — говорю, — может, им от этого жить легче.

— Ой, что это ты нацепил?! — опять лезут.

— Это у меня ридикюль.

— А что это такое?

— Дурацкие вопросы туда складываю.

Винт задержался с кем-то, а меня семиклассники окружили. Я для них вроде Петрушки и сдачи не дам, уж больно они здоровые.

— Кухня, ты побираться в школу пришел?
— Ага. У нас свинья в доме, кормить нечем.
— Не наглей, а то сейчас схлопочешь! — говорят мне не шутя.

Хорошо, Винт подоспел. Он выше меня на голову, в плечах — шире любого семиклассника и отчаянный.

— Винт, — говорю я, — пристаёт вот этот, здоровый.

Винт долго не думает.

— Выйдем-ка на улицу, — говорит семикласснику.

— Ладно тебе, — отвечают ему, — шуток не понимаете...

Вот так-то лучше.

Заходим в свой класс, сразу чувствуем, что-то переменялось. Никто нас не приветствует, моего рюкзака не замечает. Ноль внимания, фунт презрения, как говорит моя бабушка. Окружили новенькую Эльвиру: чистенькую, умытую, приодетую. Она вертится, напевает себе, танцует самый модный теперь танец, который до нас еще не дошел.

— Ла-ла-ла, — показывает движения, а наши остолбенело на нее смотрят, — ла-ла-ла...

Лалала-то лалала, а подошли мы к своему столу, на моем месте — ее портфель. Винт не выдержал:

— Послушай, Кухня, не кажется тебе, что наше место вроде уже и не наше?

Он специально громко сказал на весь класс.

— Простите, — Эльвира бросила свои кривляния с пением. — Я заняла ваше место, мальчик?

Мальчик Винт вытаращился на нее:

— Вот именно.

— Не будете ли вы добры уступить мне ваше место?

У Винта даже шея покраснела, а я от такой наглости онемел.

— Послушай, — пытается Винт по-доброму, — ты это... перестань лезть, а то живо получишь!

— Кончай, Елхов! — заступает за нее Симакин.

— Не обращай внимания, Эльвира, — затарахтела Зойка Фуртичева, — к ним привыкнуть надо. Они у нас вообще ненормальные.

— Кто это ненормальный?! — очнулся я.

— Садись со мной, Элла, — говорит вдруг Рафик Низамов, — у меня место лучше.

От кого-кого, а от Рафика такого не ожидали. Все против нас.

— Уступите мне место, пожалуйста, — опять Эльвира, — вы ведь мужчина и не будете со мною драться.

— Как вам не стыдно! — набрасывается на нас Лидочка-тихоня. — Смотреть противно!

— Ты не смотри! — говорю. — Тебя никто не заставляет!

Я бы всех переспорил, но Винт неожиданно скис:

— Айда! Мы ж с тобой давно пересесть хотели.

Никуда мы пересаживаться не хотели. У нас хорошие места — далеко от учительницы и рядом с дверями.

— Совсем с ума сошел! — говорю я. — Куда мы сядем?

— Первая парта свободна, — предлагает Фуртичева.

— Сама там сиди! Как я Винту диктант проверю?

— Диктант не сегодня, — промямлил Симакин. Винт махнул рукой:

— Ладно, сам напишу.

Ни за что он диктант не напишет. И помочь я ему не смогу, если учительница у нас на голове сидеть будет.

Идем за первую парту, а новенькая нас совсем доконать хочет:

— Давайте я вам мешок постираю.

Наши захихикали, вроде смешно.

— Ничего, — отвечаю, — сами постираем, если надо. Пока руки-ноги у самих есть.

— Я серьезно, — говорит она.

На фиг ты нужна со своим серьезным.

Тут учительница русского языка пришла, начался урок. Как я и ожидал — диктант. Последний в этом году, последняя возможность для Винта получить годовую тройку. Я посмотрел на Симакина, он отвернулся. И с этими людьми я проучился пять лет!

Начали. Сидит учительница перед нами на расстоянии вытянутой руки и, может, не хочется ей на нас смотреть, а куда не денешься. Вот они, мы с Винтом, перед ней.

— «После обеда никто и ничто не могло отклонить Обломова от лежания...»

— Обломов — фамилия? — спросил кто-то.

— Да, — кивает учительница и смотрит на меня в упор. — «Никто и ничто не могло отклонить Обломова от лежания...»

Покосился я в сторону тетради Винта — он со страху написал правильно.

— Кухтин! Смотри в свою тетрадь! — тут же говорит учительница. — Следующее предложение: «Безденежье меня приковало к ненавистной мне деревне».

«Бисденежье», — выводит Винт. Качаю головой. Он поправляет курам на смех: «бисденижье».

— Кухтин! — говорит учительница. — Ты почему головой мотаешь?

— Задумался. Повторите, пожалуйста.

Учительница повторяет, а я потихоньку Винту свою тетрадь подвигаю, чтоб он списал правильно. Винт уже и не смотрит. Плюнул на это дело.

— «Под праздник угорел со всей семьей Пров...» — диктует учительница.

Я нарочно пишу: «Пад праздник угарел са всей симией Пров». Не оставаться же Винту в одиночестве.

Вышли мы после диктанта. Винт меня успокаивает:

— Ты только не волнуйся, Кухня!

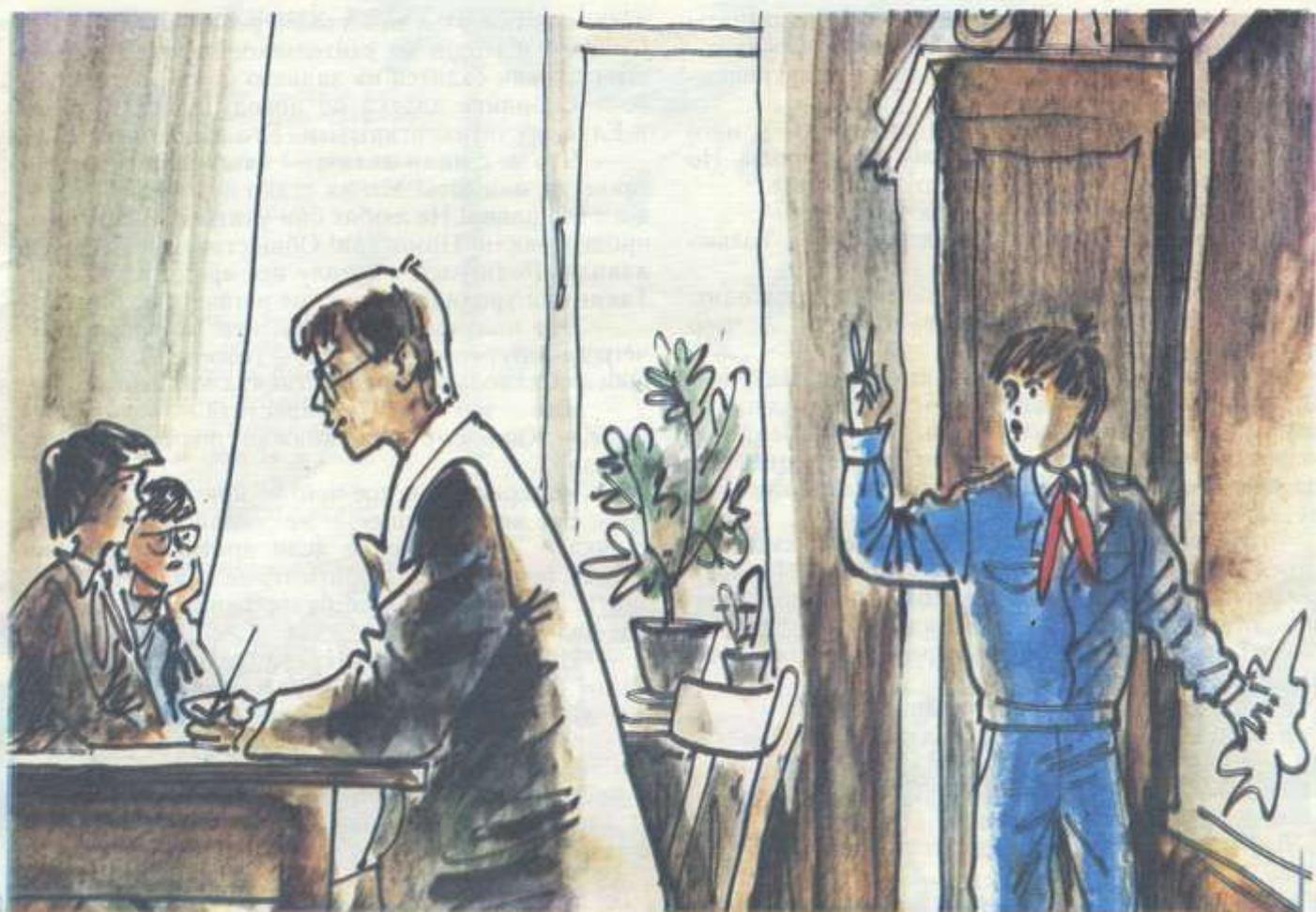
Меня действительно от злости колотит. Передушил бы всех. Первым попался нам Симакин.

— Ну что, голубчик, — говорю, — достукались?

Симакин дурака из себя корчит:

— Что?

— Желтые ботинки! — говорю. — Как ты теперь новому классному руководителю в глаза

смотреть будешь, а?! Две двойки за диктант обеспечены. Значит, двое на осень есть! Где ваш коллектив?!

— У тебя же хорошо по русскому, — говорит староста Симакин.

Он думал, я Винта в беде брошу. Винт будет все лето этот русский язык изучать, а я загорать спокойно. Не на таких напали. Пусть они что хотят делают, а я двойку получу, как и Винт. Правда глаза колет, как говорит бабушка. Нечего Симакину ответить. Стоит, краснеет.

Следующей была Лидочка-тихоня.

— Привет, предательница! — кричу я.

— Не волнуйся, Сева! — Винт меня успокоить пытается.

— Я тебе еще записки писал с объяснениями в любви, помнишь? — говорю ей. — Эх ты! Почему вы все нас предали? Говори, а то хуже будет. Почему ты, почему Симакин, почему Зойка?

— Из-за принципа, — говорит она дохлым голосом.

— Это ты бабушке своей расскажи! А нам правду давай!

Язык не поворачивается пересказывать ту правду. Эти наши одноклассники вчера ходили в гости к Эльвире. Эта приезжая оказалась доброй, умной, красивой, отзывчивой, настоящим другом, веселой и интеллигенткой. Но главное!.. Слушайте дальше!

— Короче! — говорю я.

— Она Зойке юбку подарила, например, — не-

живая-немертвая отвечает Лидочка-тихоня, которой я в прошлом году записки писал.

— А тебе что подарила? — говорит Винт.

— Мы вас искали... думали, вы с нами пойдете...

— Короче! — кричу я.

— Она мне подарила стихи Ахматовой.

— Понятно.

— Больше ничего не скажу, — готовится зареветь Лида.

— Симакину марки подарила?

— Мы не из-за этого, — плачет Лидочка. — Она действительно очень хорошая...

На следующий день первый урок — математика. Мы ни с кем не разговариваем. Приходит Зойка в новой юбке.

— Не жмет? — спрашиваю.

Она плечом дернула, не понимает вроде, о чем речь. Пришел Валентин Дмитриевич, полистал журнал и сразу за меня взялся. Все сговорились, что ли!

— Да, Кухтин, судя по отметкам, ты великий математик Ландау.

— Ничего, — говорю, — мне и Кухтиным нравятся жить.

Шутки побоку. Он ставит меня к доске и задает задачу: в контору привезли стулья, расставили по три в каждую комнату, посмотрели — трех не хватает, поставили по два, тогда два оказались лишние. Сколько было комнат и сколько стульев?

— По три — трех не хватает, по два — два лишних, — повторяю я условие. — Вслух решать?

Ни вслух, ни про себя мне эти стулья-комнаты не отгадать никогда, если Винт не подскажет.

— Про себя,— говорит Валентин Дмитриевич и к Винту:— Ты что пишешь?

Винт, естественно, решал мою задачу, у него это ловко получается. Дар такой, от природы. Но Валентин Дмитриевич начинает его пытаться:

— Ты получил двойку за диктант.

— Уже проверили?— удивился Винт.— Только вчера писали.

Я с задачей сражаюсь — ничего не выходит. Симакин на пальцах показывает: пять. А чего пять? Комнат?

— Объясни,— спрашивает классный Винта.— Я понимаю, когда человеку не дается какой-то один предмет. Но вот ты первые две четверти не успеваешь по географии, а вторые две не успеваешь по русскому. В прошлом году тебе какой предмет не давался?

— Не помню,— говорит Винт, а сам смотрит, что я там у доски с цифрами вытворяю. Покачал головой и буркнул вроде про себя, а на самом деле мой ответ на задачу:— Двенадцать...

— Ты меня слышишь? — спрашивает Валентин Дмитриевич.

— Я подтянусь,— говорит Винт.

Валентин Дмитриевич посадил его, повернулся ко мне. Я живо все цифирки стер и говорю:

— Стульев было двенадцать, а комнат пять.

— Расскажи, как решил.

Я ничего рассказывать не стал, потому что не мог.

— С вами все ясно, гражданин,— говорит Валентин Дмитриевич. Видно, разозлили мы его.— Ты в курсе, что у тебя, как и у Елхова, тоже двойка за диктант?

— В курсе,— проболтался я.

— Откуда?

— Вы ж сами сказали,— пытаюсь вывернуться.

— Кто из вас обещал помогать другому по русскому?

— Я.

— По математике?

— Я должен помогать ему,— говорит Винт.

— Можешь решить задачу про стулья?

Винт не хотел, чтоб я выглядел тупее его, и сказал — не может.

— Староста,— говорит классный,— после уроков будем разбирать этих двух друзей. Надо принимать какое-то решение. Это решение примете вы сами, а я с ним полностью соглашусь. Кухтин — двойка. Садись.

Я уже шел на место, он спросил:

— По какому предмету ты в первых двух четвертях не успеваешь?

— По географии, кажется,— сказал я.

— Как и твой товарищ Елхов?

— У нас настроение плохое последнее время,— не выдержал я, испортили нам настроение в эти два дня...

— Переходим к теме урока,— говорит Валентин Дмитриевич, в нашу сторону не смотрит. Обиделся.

Кончились уроки. Ничего в жизни так не хоте-

лось, как поест и побегать с ребятами по улице. Симакин выходит на учительское место, Валентин Дмитриевич садится на заднюю парту, и поехали:

— Собрание класса по поводу двоек Кухтина и Елхова считаю открытым. Кто выступит?

— Что ж с ними делать,— зашумели ребята,— такие уж они есть! Мы их всяко перевоспитывали, а им все равно! Не любят они учиться. В газете их продергивали! Помогали! Общественные нагрузки давали! Родителей в школу все время вызывают! Такие они уродились трудные и ничего не боятся...

— Это получается потому, что их вообще ничего не интересует в жизни,— говорит Эльвира.— Они любят только удовольствия, а это мешанство...

— Как это не интересует? — возмутился Винт.— Кино смотрим, книжки почитываем, телевизор...

— Интересуемся кое-чем! — кричу я.

— Все не настоящее,— не соглашается эта выскочка.— За настоящее дело драться надо, мучиться, переживать, любить это дело и все про него знать. Тогда человек не будет равнодушным, как эти два мальчика.

— Интересно,— говорю,— у кого ж такое любимое дело есть? Что-то я не замечал...

— У меня, например,— не отступает Эльвира.— Я музыку люблю. Иногда погулять хочется, а я за фортепиано сижу. Переживаю, если не получается, хочу играть лучше всех.

— Ты приезжая,— говорит Винт,— у вас там может, вообще...

— Я знаю, что Вася,— Эльвирочка на Симакина намекает,— филателист.

— Что ж он из-за марок вешаться будет? — говорит Винт.— Или чемпионат мира по хоккею пропустит?..

— А ты как думал?— кричит Симакин.

— А я, например,— говорит Зойка Фуртичева,— я ночей не сплю, если мой кактус заболел. Когда он цветет, хожу радостная. Все про кактусы читаю...

Лидочка-тихоня тоже дров в огонь подкидывает:

— Я без стихов жизни себе не представляю!

— А я собак люблю,— это Рафик Низамов.

Получается, все мученики за свое дело, страдальцы, а мы с Винтом никуда не годные.

— Твое предложение? — спрашивает Симакин Эльвирочку.

— Наверно, не надо их брать в поход,— отвечает она тихо,— если на них ничего не действует.

Винт встал уходить.

— Подожди,— говорю.— Не Эльвирочка здесь главная, еще педагог есть...

Мы все забыли про Валентина Дмитриевича, пока спорили, а он все выслушал, встал и ничего для нас с Винтом радостного:

— Вы меня порадовали, граждане. Очень верно и точно вы говорили о Кухтине и Елхове. Досуг без занятий — смерть, говорили древние. Ребята, и правда, равнодушны ко всему, потому что ничего их в жизни не трогает. Нет у них настоящего интереса, чтобы пробудить их от спячки...

Продолжение следует

Магия черная и белая

В. ПРИЕМОХОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Лебедева

Но выход из этого тупика был. В ближайшее время мы должны отыскать себе дело по душе, а поможет нам в этом Эльвира. Иначе не быть нам в походе. Мы в такую тоску впали — никакого похода не надо. Дождались Валентина Дмитриевича у школы, просим хотя бы эту чистюлю от нас открепить.

— Большинство так решило, — говорит класный, — а у нас демократия.

— Валентин Дмитриевич! — кричу. — Вы им прикажите, они живо эту демократию забудут, вы учитель все-таки!

— Чудаки, — говорит он, — потому и учитель, что учу понимать, а не заставляю учиться.

Нам перестали нравиться коллективные игры да и демократия тоже. Учитель должен быть учителем, а то верх возьмут всякие горлопаны типа этой Эльвиры.

Мы не поверили, будто только у нас нет настоящего дела в жизни. Походили по улице, поспрашивали. Удивительно, у всех есть интерес. Не такой серьезный, чтоб на фортепиано играть, но есть. Одни любят рыбу ловить, другие детей воспитывать, третьи мотоцикл чинить. А у одного даже тайный интерес. Мы так на этого дяденьку рассчитывали, с виду, вроде, непохоже, чтоб он ночей не спал или боролся за какое-нибудь дело. Одет кое-как, обтрепанный, морщинистый, у магазина мается.

— А как же, — говорит, — есть кое-какой интерес, как без него! Бывает, и ночей не сплю... му-чаюсь...

— Какой же? — сгораем мы от любопытства.

— Вы еще маленькие, не поймете... вам рано.

Нарисовался его товарищ. Наш дяденька ожил, подбежал к нему, они о чем-то заговорили, оглядываясь по сторонам, чтоб их никто не подслушал.

— Эй, — говорит нам наш знакомый, — давай сюда.

— А вы про свой интерес расскажете?

— Ха-ха! — сказал неузнаваемо повеселевший дяденька. — Все, что хочешь, расскажем.

А дело было такое — подойти к автоматам с газированной водой и стащить потихоньку для этих двух друзей стакан. Как мы, идиоты, сразу не поняли о мучениях и интересе этих пьяниц. Ни за каким стаканом мы им не пошли.

Хоть и не хотелось так далеко тащиться, пошли мы к Рафику Низамову. Город у нас небольшой, каменные дома только в центре, а дальше к реке идут одноэтажные деревянные, свои. В таком и жил Рафик.

— Ассалом алейкум, — говорит Винт из-за калитки.

Рафик — татарин по национальности.

— Алейкум ассалом, — отвечает он по-татарски, открывает калитку, с удивлением на нас смотрит: зачем пришли.

— Мы твой интерес решили взять. Собака лишняя есть?

— Ну, вообще-то...

— Не жмись, — говорит Винт, — ради общего дела.

— Скоро щенки будут, — говорит Рафик уклончиво.

— Якши! — хмыкнул Винт. — Только пока их вырастим, вы из похода придете...

Рафик свистнул, и появилась собака. Господи, где таких уродов делают, еще б парочку заказать для смеха. Морда кирпичом, шерсть рыжая, кудрявая. Одна отрада — кусаться, не лезет, ласкается, прыгает, рубашку слюнями пачкает.

— Что это она? — пугается Винт. — Большая, что ли?

Низамов сам не свой, шекочет эту псину, называет ее Рында. Действительно Рында, лучше не придумаешь.

— Это почти терьер. Эрдельчик...

— Почему почти? — спрашивает Винт.

— Морда узковата, — вздыхает Рафик. — Экстерьер, в общем, не очень. Но собака хорошая.

Мы промолчали, он повел нас в сарай. По пути сообщает:

— Наполеон тоже не любил собак, а потом бежал с острова Святой Елены, упал с корабля в воду, а собака его спасла... Ньюфаундленд порода...

— Ну и что?

— До конца жизни он уже с собаками не расставался.

В сарае на подстилке лежала такая уродина, первая по сравнению с ней — Василиса Прекрасная. Ни кожи, ни рожи, по бабушкиному выражению. Маленькая, черная, кривоногая и пузатая вдобавок. Рафик к ней с лаской пристает, гладит, воркует. Разомлело животное, лапы вверх.

— Человечество приручило собак на самой заре своего существования...

— Не умничай особенно, — остановил его Винт.

Рафик вздохнул и говорит:

— У нее скоро будут щенки. Порода... — он почесал в затылке, — почти лайка!

— Ладно заливать-то! — не поверил Винт.

— Пожалуйста, — показывает Рафик, — уши торчком, форма — римская цифра пять вверх ногами, хвост бубликом — видите, широкая во лбу голова...

Собаке не нравились разговоры о ней, она загавкала.

Продолжение. Начало см. «Костер» № 7.

— Нервничает, — объяснил Рафик, — вчера руку мне оцарапала.

— И ты терпишь?

— Это еще ничего, — он задрал штанину и с гордостью показал шрам от собачьих зубов. — Это я ей клизму ставил...

— Так... — Винт посмотрел на меня.

А совершенно сумасшедший Низамов оторваться от своей «почти что лайки» не может.

— Хочу одного щенка от нее оставить, — говорит, — назову Эллой. Как вы считаете?

— Самое подходящее имя! — обрадовался Винт. — В точку!

— Молодец! — говорю. — Здорово придумал!

Лайка ехидно на нас смотрит, хвостом по земле стучит, глазками противными морг-морг.

— Слушай, Рафик, — спросил я, — а ты после укуса уколы делал от бешенства?

— Зачем? Она очень чистая собака.

— Такое дело, лучше провериться...

С собаками мы решили не связываться. Даже ради Наполеона. На всякий случай, по пути, зашли к Зойке Фуртичевой. У нее подоконники, стены, балкон уставлены кактусами — маленькими, большими, квадратными, в виде сабли, в виде человека с бородой, круглыми.

— Кактусы известны с древнейших времен, — начала Зойка, вроде ее тоже укусила собака, — в настоящее время известны тысячи разнообразно-

стей этого прекрасного удивительного растения. Вот смотрите — это долихотела длиннососочковая...

Смотрим мы на эти верблюжьи колючки и хочется нам быстрее на свежий воздух, где растут простые тополя.

— Аустроцилиндроопунция, — говорит Зойка.

Винт застонал.

— Нравится? — радуется Зойка. — А это астрофитум тысячекрапунктовый.

Винт от природы человек нетерпеливый. Вышли мы от Зойки и он заявляет:

— Не пойду я в поход, если из-за этого жигь не хочется.

— С ума сошел! — закричал я. — Это же такой шанс! Научимся в походы ходить, на следующий год одни пойдем, самостоятельно.

— Что там учиться?

— А ты умеешь без еды сутки жить, огонь без спичек...

— Спичек можно набрать побольше.

— А редкие лекарственные растения?

К Симакину мы пришли вымотанные. Выложил он на стол четыре толстых альбома с марками — пока рассмотришь, состаришься.

— Марки...

— Возникли в древности, — говорю я, — это мы уже знаем...

— Ты не умничай особенно, — предупреждает Винт, — а то вы все больно умные.

Симакина не зря старостой выбрали, есть у него талант с людьми работать. Спрятал он свои альбомы в стол, решил нам все показать на практике, в натуре. Достал маленький альбомчик, кляссер называется, и повел нас в филателистический клуб.

Сразу скажу — практика нам понравилась. На свежем воздухе, в парке, собираются влюбленные в марки люди — тихие, спокойные, говорят немного, не понять о чем. Смотрят друг дружке в эти кляссеры, меняются, завидуют друг другу, не злобно, вежливо. Представьте, подошел взрослый человек:

- Картинки?
- Нет.
- Космос?
- Фауна.
- Гашеная?
- Нет.

Следом другой то же самое:

- Что можешь?
- Квартблок.

Симакин наш потный от волнения:

- За кошку дам мадонну.
- Чистую?
- Чистую.

Симакин нашел какую-то марку в альбомчике, протянул человеку. Тот в думы ударился. В конце концов выменял Симакин четыре новеньких марки на одну потертую, невзрачную, с кошкой. Это обмен называется.

— Ш-ш-ш! — сияет Симакин. — Вы мне удачу принесли.

Мы не понимали. В марках, оказывается, важно все и, главным образом, содержание. Столько всего можно узнать, собирая марки. Например, в Турции на озере Ван живут кошки, которые плавают под водой и питаются рыбой. Конечно, такие знания неясно куда употреблять, но посмотрели мы с Винтом друг на друга и решили:

— Ладно, берем твой интерес. Гони книги, сами разберемся.

— Вам так повезло, — говорит Симакин, — не представляете! Век благодарить будете...

Было у нас с Винтом свое укромное место, наш штаб. Винт рукастый, все умеет делать, у отца выучился. Оборудовали они у себя с батей верстак в сарае, свет провели, инструменты на стенах развесили. Мы с Винтом нашли на свалке матрас и притащили сюда — совсем стало уютно и хорошо. Лежу я на матрасе, книгу про филателию читаю:

— «Коллекции делятся на тематические, исследовательские, мотивные, документальные, хронологические...»

Винт вздыхает, вырезает из конвертов марки с бумагой, кладет в ванночку с водой, чтоб бумага откленлась, и марки стали годными для филателии. Конверты принес я. Мой отец писатель, пока не признанный, его пока не понимают и не печатают, но всегда присылают вежливые ответы и марки у них в редакциях самые лучшие.

— «Марка «Маврикий» была продана за семьдесят тысяч долларов», — читаю я.

— Обалдеть! — вздыхает Винт. — Просто обалдеть, на что люди деньги тратят.

— Можно наменять марок, — размечтался я, — потом их продать и купить лодку с подвесным мотором «Вихрь»...

— И уплыть отсюда на фиг... — бурчит Винт.

Всегда мы считали себя не хуже других, а теперь наступило время людям завидовать. В классе только и разговоров про будущий поход. Они все, кроме нас с Винтом, собирались у Валентина Дмитриевича дома, разрабатывали маршрут. Он уже договорился с кем-то, и классу выделили три палатки. Деятельный он оказался педагог, вроде пообещали даже вьючную лошадь выдать для класса. Завидно. Мы подошли к нему на переменке и спрашиваем, когда наш интерес проверять будут. Никто и проверять не собирался. Как скажет Эльвира. Вы представляете, какая у нее в руках власть над нами, у этой выскочки! Делать нечего — идем к нашей начальнице отчитываться за интерес. Да-а, квартира у нее не какая-нибудь завалюха. Кресла, ковры на полу, картины на стенах, книги кругом, посреди комнаты рояль. Сама Эльвира — хоть сейчас в журнал про хороших детей. На голове косынка, фартук, расшитый петухами, тапочки на пушистой шкурке. Стоим мы перед ней обормотами.

— Да-а-а, — говорит Винт, — у тебя папа кем работает?

Папу сюда перевели начальником железнодорожного узла, для нашего города — самый большой начальник, половина людей на «железке» работает. А раньше он вообще был начальником дороги, мы таких больших начальников живьем и не видели.

— Передай ему привет, — говорит Винт. — Они с моим папаней вместе.

— А твой кем?

— Слесарем-инструментальщиком, а раньше дизелист.

— А твой, Сева?

— Замначальника библиотеки, — говорю, — а раньше то же самое...

Усадила она нас, открыла здоровый чемодан, оказалось, проигрыватель — одних кнопок столько, что на Луну улететь можно, если в них толком разобраться. Сама Эльвира засобиралась на кухню, а нам зарядила музыку.

— Лучший интерес, — начала она, — это музыка.

— С древнейших времен? — вздохнул Винт.

— Да. История музыки уходит в глубь веков и тысячелетий, — понесло ее. — Люди научились говорить и петь почти одновременно. Слышите? Композитор Лист. Страсть, борьба трагического и светлого начал. Побеждает светлое. Слушаешь — испытываешь гордость за человеческий гений.

Сразу скажу, ничего такого мы на пластинке не уловили. Играют всякие инструменты хором и по очереди. И никаких чувств за человеческий гений мы не испытывали. Меня сразу в сон кинуло, а Винт все креслом скрипел. Я из-за этого и не уснул до конца. Сидит он, глаза пучит на проигрыватель, а кресло — «тресь-тресь». Винт стал высматривать, где скрипит, а кресло — «хрум-хрум». Винт

поднялся, а оно без него — «др-р-р-р». Он очень удивился, под кресло полез. Ножку подергал, а оно на свой манер — «кр-кр-кр». Вздохнул Винт, сел столбом, не шелохнется. Кресло помолчало и опять за свое — «тр-р-р-р». Я рот зажал, боялся расхохотаться. Винт шепчет:

— Рассохлось, переключать нужно...

Прискакала хозяйка. Интересуется нашими впечатлениями.

— Ничего, — говорим, — хорошо исполняют, только долго что-то...

— Вы пока ничего не поняли, — засмеялась Элла. — Будете ко мне приходить, через месяц без музыки не сможете.

— Извини, — сказал Винт, — у нас уже есть любимое дело.

Выложили мы перед ней марки и начинаем с упоением рассказывать. Лично у меня такого уж восторга не было, но Винта было не узнать. Другой человек. Когда это его марки так пронять сумели?

— Почта существует с древнейших времен, — тарыхтел Винт. — Еще древние ассири-вавилонцы отправляли друг другу письма на глиняных дощечках.

— Вроде как кирпичики — плоские... — вставил я.

— Так вот, — перебил Винт, — марка была изобретена в Англии в прошлом веке. Что такое марка? Знак почтовой оплаты? Не только. Каждая марка — миниатюра, посвященная событию, какому-нибудь лицу или просто чему-нибудь... Сколько красоты заложено в каждой миниатюре, любовно выполненной художником.

— Марки бывают круглые, — пытаюсь я напомнить о себе.

Винт слова не дает сказать:

— Квадратные, ромбические, треугольные, овальные... Но не меньшее значение имеет форма зубчиков, она бывает трапециевидная, круглая... Называется перфорация... Что такое собирать марки? Это значит все знать про то, что изображено на ней, когда ее выпустили, когда ее погасили.

— Гашением называется, — уже кричу я, — когда ставят штемпель с датой.

— Бывают марки специального гашения, первого дня. То есть в ознаменование какого-то события гасится сразу много марок...

— Мы решили собирать...

— Мы собираем цветы. Флору, говоря по-русски.

— Но не просто цветы...

— Громадное значение имеет тема, — накрывает меня Винт. — У нас она называется «Цветы в легендах и мифах разных стран и народов». Что это? — он показывает хозяйке марку.

— Роза, — говорит она.

— Ха-ха! — заорал Винт. — Мы тоже так думали, а теперь — нет. «Суброза диктум!» — сказано под розой или, по секрету, роза — символ молчания. Но с другой стороны, этот цветок — символ любви. Все богини любви ходили с розами...

— Замечательно! — сказала Элла. — Не ожидала от вас такого, Винт.

Меня нету. Винт полыхает от радости. Мне все не нравится.

Потом мы обедали. Хотя лучше сидеть голодным или питаться водой с хлебом. Сидим мы с Винтом за большим столом, на километр друг от друга. Посуды перед нами больше, чем в нашем хозяйственном магазине, перед каждым салфетка стоит торчком. Представьте себе, эта волчица Эллочка успела переодеться. Одежный магазин у нее, что ли? Вместо фартука с петухами на ней появилось розовое платье, на шее бусы в два ряда.

— Прошу, — говорит она и себе на грудь вешает салфетку.

Винт на меня косится, я вроде не замечаю. Он тоже себе салфетку на грудь пристраивает, правда, локтем смахнул стакан со стола, хорошо, стакан крепкий, не разбился. Я салфетку побоку, начинаю есть просто так, без всяких ужимок.

— Попробуйте этот салат, пожалуйста, — говорит Элла, подкладывает мне и Винту. Цирк!

— Спасибо, — говорит воспитанный Винт, а я молчком.

Стукнула дверь, пришел ее отец. Высокий, худой, с седыми висками, в железнодорожной форме. Хороший тихий человек. Даже не верилось, какой он большой начальник.

— Опаздываешь, папа, — строго говорит Элла.

Думал я, он ее сейчас приструнит, чтоб знала, как со взрослыми разговаривать. Ничего подобного.

— Извини, пожалуйста, — извинился он.

— Это мои друзья, — представляет Элла. — Сева и Витя. Очень хорошие ребята.

Он по-взрослому пожал каждому из нас руку и повторил два раза:

— Александр Петрович. Очень приятно. Очень рад.

Есть расхотелось совсем. Я увидел, как Винт орудует ножом, подумал, сейчас тарелку разрежет пополам вместе с мясом, но вместо этого он опрокинул на себя хитрую штучку с соусом. Все в жмурки играют, никто ничего не замечает. Мол, лейте на себя соус на здоровье, если вы такие болваны, мы вас прощаем.

— Эта соусница вообще такая коварная, — сказала Элла, — да, папа?

Александр Петрович согласился. Винт вытирал штаны салфеткой, а я, пока никто не видит, затолкал сразу весь кусок мяса в рот. Вот ведь несчастье — торчит у меня кусок поперек горла, ни туда, ни сюда.

— Папа, — говорит Элла, — налей Севе водички.

Заметила, оказывается. Выпил я водичку, кусок, слава богу, провалился в желудок.

— Очень вкусно, — сказал Александр Петрович, — ты стала готовить лучше, чем твоя мама.

— Папа, — строго сказала Элла, — мама готовила лучше всех.

— Конечно, конечно, — заторопился Александр Петрович.

Видимо, ее даже родной отец побаивался и никогда ей не перечил.

— Моя мама умерла два года тому назад, —

просто сказала Элла.— Она была очень хорошей хозяйкой... Кому кофе, кому чай?

— Рекомендую кофе,— сказал папа.— Элла большой мастер...

— Можно я тоже кофе? — попросила Элла жалобно.

Впервые я услышал от нее жалобные слова.

— Пожалуйста, папа!

У них вышла размолвка. Отец не разрешал ей пить кофе, ей было вредно, но очень хотелось. Мы не придали никакого значения их разговору.

— Папа боится за мое здоровье,— печально сказала Элла.

— Понимаете,— начал папа, но она перебила его обычным своим железным тоном:

— Мальчики, пока я готовлю, расскажут тебе про свое хобби. Они — филателисты.

Винт меня не признает, берет все на себя:

— Раньше мы про марки и знать не знали, а

теперь жить без них не можем! Кажется, что такое марка — клочок бумаги! Нет! Это целый мир. Мы, например, собираем флору. Цветы. Раньше мы и цветы не любили. Теперь — другое отношение, мы все про них знаем и нам цветы стали нравиться. Пожалуйста... Это лотос — символ чистоты. Почему? Потому что, хоть лотосы и растут в болоте, грязь к ним не пристаёт. Лилия — королевский цветок. Три лилии на знамени Франции нарисовал Людовик, отправляясь во второй крестовый поход. Гиацинт — символ гордости. Мак означает сон. Есть такой бог сна — Морфей. Или астра — кажется, что в ней такого уж замечательного? Однако, это как бы пылинки звезд. Если ночью хорошо прислушаться, слышно, что астры шелестят — они шепчутся со звездами...

Элла поставила поднос с чаем и кофе и захлопала в ладоши. Отец тоже восхищался, он не ожидал, как интересно иметь дело с марками. За то,

что мы такие молодцы, Элла сделала нам подарок — карту области. Такую же нам показывал Валентин Дмитриевич. Карт было две — мне и Винту. Не скрою, мне подарок понравился, но на Винта смотреть не хотелось, покупали человека на глазах. Я решил уйти без чая, придумал, вроде меня дома в магазин послали, думал, Винт встрянет. Ничего подобного — пьет кофе из маленькой чашечки, мизинчик отставил, продажная душа. Эльвира меня проводила до дверей.

На следующий день лежу я на этой замечательной карте на полу, смотрю на реки, озера, леса и тоскую. Впервые в жизни у нас с Винтом пошли нелады.

Слышу — бабушка шаркает:

— Опять двойку получил? — Погладила меня по плечу. — Не горюй, не всем умными быть.

— Что ж я — дурак?

— Свой дурак дороже чужого умника.

Успокоила, называется. Я спросил у бабушки: бывало у нее, чтоб с самым лучшим другом расходиться?

— Было, — говорит бабушка.

— У вас, наверно, разные интересы появились?

— Наоборот, — вздыхает бабушка, — помню, влюбилась я в одного там Павлика, а он моей подруге понравился. Увела, чертовка!

— Ну, баб, у тебя примеры!

Слышу — звонят в дверь. Чувствую, Винт, мой закадычный дружище в прошлом. В чистой рубашке, ботинки блестят, смотреть противно.

— Че это ты вырядился? — спрашиваю.

Совесть еще осталась — краснеет.

— Так как же... надо к Эльвире идти.

— Что это ты ее так красиво называешь?

Винт отмолчался, положил на колени этот несчастный кляссер.

— Я, — говорит, — книжку про филателию до конца прочитал. Много интересного. Например, на острове Борнео была выпущена марка самой необычной формы — в виде границ этого острова.

— Плевать я на марку хотел и на этот остров! — говорю я напрямик. — Я рад, Винт, что ты нашел себе интерес в жизни, поздравляю тебя. Только нам не по пути. Я вчера притворялся, что мне марки нравятся. А уж мучиться из-за них, ночей не спать, извини, пожалуйста!

— Фу-у-у, — вздыхает мой Винт с большим облегчением. — Ты, брат, настоящий артист. Ха-ха-ха. «Мы жить без них не можем!» Я думал, ты всерьез. Какое это увлечение — марки. Это, брат, тыфу, а не увлечение.

На радостях продали мы все наши марки на филателистическом пятачке, купили по паре мороженого. На несчастных марочников смотрим, а они меняются марками, волнуются и живут замечательной жизнью, которая к нам, слава богу, не имеет никакого отношения.

В центре, у кинотеатра, встретили ребят с нашей улицы. Они бесплатно мультики смотрели. На здании кинотеатра висел экран дневного кино, подойди кто хочешь. Мультики кончились, и мы пошли на стройку комбината на окраине нашего города. Там котлован копали, и работал экскаватор. Забрались мы всей компанией на теплые бетонные пли-

ты, смотрим на строительство, беседуем о том о сем. Рычит экскаватор, подъезжают машины одна за другой, увозят, что им в кузов из ковша насыпят.

— Интересно, может он на километр вниз закопаться, такая силища?

— Вода пойдет, — говорит Винт, — потонет.

— Откачают насосами.

— Замучаются качать.

Люблю я такие беседы обо всем, никогда не скучно, любая тема за живое задевает.

— Интересно, на экскаваторщиков берут после восьми классов?

— Может, берут, а может, нет. На шоферов не берут, я у бати узнавал, — говорит Винт.

— Представляете, — говорю, — будет нам шестнадцать лет, начнется настоящая жизнь.

— А потом сорок.

— И помирать!

— Не-а, к тому времени нам таблетки какие-нибудь придумают. Наука!

— Да нет! Просто все менять будут. Нога не работает, тебе запасную, сердце не работает — пожалуйста — новое сердце.

— Что ж в конце концов от нас останется?

— Голова.

— А голова сносится?

Тут мы призадумались крепко, но ничего придумать не смогли. Осталось верить в науку. Может, нас на другую планету переселят, где никто не умирает.

— Сейчас жить еще не очень интересно, — продолжаю я свое, — как-то ни то ни се! Скорее бы уж паспорт получить.

— Мне лично нравится, — не согласился Валерка с соседнего двора. — Иногда очень интересно живешь, особенно на каникулах.

— Это мещанство, — хмуро сказал Винт. — К примеру, у тебя есть такое дело, чтоб ты ночей за него не спал?

— Нет, — признался Валерка. — Всегда вставать не хочется, это да. Какое бы там дело ни было.

— А у меня есть, — сказал кто-то. — Как день рождения, в семь утра вскакиваю: очень интересно, что подарят.

Тут наш разговор прервали. На велосипеде к нашим плитам подъехал глупый человек Бряндя, а на раме у него сидела Эльвирочка, естественно, с большим бантом на голове. Я Бряндю убить был готов. Мы после стройки в футбол играть собирались, да любое дело без этой кикиморы счастьем кажется. Я бы не пошел с ней, но Винт поднялся, а куда я без него денусь.

Эльвира притащила нас к себе домой, поставила композитора Листа, и небо нам стало в овчинку, как говорит бабушка. Теперь я попал на то скрипучее кресло. Винт все на меня косился, наверно, ему скрип опять мешал. Не выдержал он и начал кресло чинить. Нашлись в доме Эльвиры инструменты, я Винту помогаю, играет музыка, а Элла за Винтом внимательно наблюдает.

— Витя, — говорит, — может, твой интерес в столярном деле?

— Как же! — говорит Винт. — Что ж я, рыбалку на какую-нибудь табуретку променяю? И не

буду ночей спать или мучиться, если у меня, к примеру, гвозди кончились?

— А руки у тебя золотые, — говорит Эльвиричка.

Винт прямо хвостом завилал от удовольствия.

— Ладно тебе, Эллка...

Вы все поняли про эту девочку! Я для нее, конечно, крепкий орешек, где сядешь, там и слезешь. А Винт — он привык людям доверять. Вышли мы от нее, и знаете, что он сказал?

— Видишь, у нее имя какое — Эль-ви-ра! Э-л-л-а! Не Маша какая-нибудь, не Витя, обычного человека так не назовут. И человек она интересный, я таких не встречал.

Слов нет, а буквы рассыпались, как говорится.

Пропал Винт на глазах. Сидим мы у нас в сарае, Винт подаренную карту к стене гвоздиками прибивает. Ругаемся мы с ним потихоньку, неинтересные люди. Ни богу свечки, ни черту кочережки, бабушка так говорит.

— Не буду я музыку любить! — кричу я.

— Хочешь марки?

— Знаю я, почему ты музыку полюбил. Я, брат, не слепой, глаза еще видят, понял?!

— Давай кактусы выращивать.

— Влюбился ты в эту ворону, понял?! «Витя, у вас золотые руки!»

— Ну-ка, повтори! — спрыгнул он с верстака.

— И повтори!

— Повтори!

— «Простого человека так не назовут!» Тыфу!

Не знаю, до чего бы мы доругались, но упала тень на пол, и в дверях встал Бряндя.

— Вы что?

— Ничего, — говорим. — На рыбалку идем?

— Не, — говорит Бряндя. — Сашко у ребят спрашивал — еще вода не ушла, через неделю — пожалуйста. Мы вечером ракеты пускать будем. Айда?

— До вечера дожить надо, — буркнул Винт, — Заезжайте за нами.

Помолчали немного, Бряндя достал из-за пояса книгу без обложки, протянул мне:

— Редкая книга, нигде не достанешь...

— «Остров сокровищ» потерял?

— Про черную и белую магию, — гнет свое Бряндя. — Правда, первой страницы нет, но я рассказать могу, что там было...

Взял я книжку, полистал — какие-то рисунки, чертежи. Винту показал, Винт книжку у меня забрал, сунул Брянде в руки, повернул его к свету и коленом поддал несильно.

— Свободен. Тащи «Остров сокровищ».

Только мы одни остались, Винт опять за старое:

— Ты ерунду говоришь! Я хитрый, понял. Что музыку любить? Сиди, не засыпай, и все дела. А Эллка за нас всегда слово скажет, секи! Мы ж от нее зависим.

У меня мысль работает совсем про другое. Выскочил я из сарая, догнал Бряндю:

— Что там было, на первой странице?

— С древнейших времен люди интересовались чудесами...

Забрал я у него книжку, а он мне вслед:

— В расчете, Кухня?

Захожу я в сарай, загадочно смотрю на Винта.

— Винт, знаешь, чем увлекались люди в древние времена?

— Ваньку валяли, кактусы выращивали да собак разводили...

— Винт! Они интересовались чудесами, черной и белой магией!

Не глянулась Винту моя затея, но я его уломал. Приступили к делу немедленно. Выпросили в магазине здоровенный ящик из-под папирос. Винт сильнее меня, тащил на плече этот ящик, а я рядом шел и читал ему Бряндину книгу:

— «Сто горящих сигарет в одной руке!.. Раскурив сигарету, исполнитель бросает ее в урну, затем ловит в воздухе вторую горящую сигарету, за ней следует третья, пятая, десятая...»

— Директору школы очень понравится, — сказал Винт.

— «Распиливание девушки! Дисковая пила с электромотором медленно опускается над столом, и зрители видят, как пила перерезает девушку пополам!»

Винт опустил ящик на тротуар, сел отдышаться.

— Где мы возьмем дисковую пилу с электромотором?

— А знаешь секрет? Смотри!

Я достал из кармана огрызок карандаша и нарисовал на ящике схему.

— Секрет в том, что тут две девушки. Пила проходит между ними, зрители думают, девушка одна, хотя голова одной девушки, а ноги — уже другой.

Поднял Винт ящик, я дальше читаю:

— «Фокуснику нужно освоить ряд упражнений с шариком. Эти упражнения выливаются в каскад красивых этюдов-манипуляций. Надейтесь только на свой труд!»

— Учти, Кухня, — сказал Винт, — не получится с чудесами, на музыку пойдем...

Его, Винта, замашки, вечно-то он ворчит, но дело делает. Первые чудеса заключались вот в чем: залезает человек — например, Винт — в ящик, другой накрывает его крышкой и начинает протыкать фанеру в разных направлениях. У зрителей впечатление, будто от того, кто в ящике, один труп остался, а он вылезает живой и невредимый. «Фокус чрезвычайно эффектен и хорошо принимается публикой». Шпаг у нас не было, мы их наделали из толстой проволоки, ручки обмотали изолентой разных цветов — хорошо получилось.

Спрятался Винт в ящик, я его закрыл, взял под мышку четыре шпаги и начал одну за другой втыкать их в фанеру. Эффектно до невозможности! Только вдруг Винт заорал, вышиб головой крышку ящика и запрыгал как припадочный...

Конечно, ни в какие фокусы Винт играть больше не захотел. Зашел он ко мне с перевязанной рукой, зато в костюме — в майскую-то жару. Прическа — держите меня, умру — не встану, аккуратная, волосок к волоску. Это при его-то патлах. В общем, ни ума, ни здоровья, как говорит моя бабушка. А дальше и того хуже. Вынул он чистенький носовой платок, вытер лицо и сказал:

— Давай у Эллки по именам называться, а то неудобно...

Мне и отвечать ему не хочется. Иду, с шариком тренируюсь. По книжке. Делаешь пасс рукой — шарик пропадает, делаешь пасс — он опять появляется.

— Брось ты свой шарик! — говорит Винт.

— Костюмчик надел! — говорю я. — Почем материалчик?

— А что ж мне, в трусах в гости идти?

Есть справедливость на свете — к Эльвирочке приехал ее двоюродный брат. Таких я что-то в нашем городе не встречал, такая скотина — сразу видно, приезжий. Умный — жуть! На скрипке играет, на французском языке говорит. Началось все честь по чести: они вдвоем, дуэтом, играют ихнюю бодягу, я с шариком забавляюсь, Винт уставился на эту парочку, будто это «Спартак» с «Динамо» играют последнюю двухминутку, а счет ничейный. Головой в такт музыке кивает, один раз вытащил свой платок, руки вытер.

Кончилась музыка, Винт помолчал для приличия, потом сказал:

— Люблю я классическую музыку — это тебе не Алла Пугачева.

Эльвирочкин брат прямо заржал от восторга. Я продолжал шариком играть и постепенно мне все начало нравиться.

— Это, наверно, Лист? — напрягся Винт.

Двоюродный брат фыркнул и по-французски: «трас-трам-тром».

Эллочка покраснела и решила разговор в другую сторону увести:

— Может, пойдем погуляем?

Винт кашлянул и сказал:

— Если я ошибся, то скажите... А что вы, как эти...

Брат смешливый попался — ржет, и опять по-французски: «та-та-та!»

— Перестань! — разозлилась Элла.

Потемнел Винт лицом. Никогда он так хорошо не выступал, я его с детсада помню.

— Он что, — показал Винт на брата, — не русский?

— Русский. Он мой двоюродный брат. Учится в спецшколе на французском...

— Ладно! — повернулся Винт к брату и начал чесать по-татарски: — Ассалом алейкум! Бара бир?

— Извините, если вы что подумали, — смутился двоюродный, — я ничего такого...

— Перестаньте! — чуть не плачет Эллочка.

— Енге-манге? — Винт пальцем у виска покрутил. — Кель, секир башка! Якши? То-то!

И хлопнул дверью.

Окончание следует

Магия черная и белая

В. ПРИЕМЫХОВ

НОВЕЛЬ

Рисунки В. Лебедева

— Большой рахмат за все! — попрощался и я. Догнал Винта на улице. Он прическу свою растрепал, платочек в кювет выкинул. У меня сердце от радости запрыгало, но вида не подал, ему и так тошно за свое поведение. В глаза мне не смотрит, говорит безразлично:

— Здорово у тебя с шариком получается.

Я без упреков, напоминаний поддерживаю разговор:

— Главное, — показываю на ходу, — зажать его подушечками ладони...

Перед началом уроков в классе только и разговоров было о вчерашней тренировке по туризму. Фуртичева, проходя мимо нашего стола, сунула нам под нос палец:

— Видите — волдырь, это я костер училась разводить...

Симакин выложил на парту большой компас, вокруг ребята столпились, а он рассказывает:

— Азимут три градуса на норд-вест будет вот там, где дверь!

— Винт! — крикнул я на весь класс. — Ты мой шарик не видел?

— Откуда? Откуда я мог его видеть?

Все на мгновение оглянулись на нас и опять за свое.

— Митя сказал, что самый лучший компас, когда стрелка плавает в жидкости...

— У моряков это называется «гироскомпас».

Я вылез из-под стола, опять кричу:

— Никто моего шарика не видел? У меня шарик пропал...

— Нет, — ответили. — Какой шарик? Где ты его положил?

— Завтра палатки будем ставить...

Но общее внимание уже на нас.

— Ничего не пойму, — сказал я, а Винт покачал головой:

— Фуртичева у нашего стола крутилась. У нее спроси...

— С ума сошел! — закричала Фуртичева. — Я и не видела его!

— А ты в портфеле посмотри! — посоветовал Винт.

— Да что за шарик? — спросил Симакин.

— Я тебя сейчас этим портфелем по голове! — возмутилась Фуртичева.

— Посмотри у нее под «Географией», — проговорил Винт задумчиво. — Не зря она тут крутилась. Посмотри, Сева...

Запустил я руку в портфель Фуртичевой и вытащил шарик.

— Ой! — испугалась Фуртичева.

— Это не мой, — сказал я, — извини, Зоя... — И положил шарик обратно в портфель.

— На фиг мне этот шарик! — вовсе перепугалась Фуртичева, раз рукой в портфель, а шарика нет. Весь портфель на парту вывалила и завизжала, как от дохлой мыши: — Куда ты его положил?! Куда ты его дел?! Не нужны мне никакие шарики!

— Сева, я ошибся, — сказал Винт. — Он у Симакина в сумке.

Окончание. Начало см. «Костер» №№ 7, 8.

— Ха-ха, — рассмеялся Симакин. — С ума сошли!

Я взял его портфель, вытряхнул, шарик выпал и покатился по полу. Я его схватил, в рот сунул и проглотил, а классу показал пустые руки.

— Вот он! — крикнул Винт и шарик над головой поднял.

— Это они фокусы делают! — догадался Низамов. — Я сразу понял!

— Сделайте еще! Ну, пожалуйста! Ой, как здорово! Ну, еще!

— Внимание! — Винт показал шарик. — Смотрите сюда!

Только все на него загляделись, Элла вошла. Лицо у Винта сразу помрачнело, и шарик он тут же в карман спрятал.

— Ну, что же вы?!

— При ней — ни за что! — решительно отрезал Винт.

— Товарищи... — начала было Элла, но Винт ее прервал:

— Тамбовский волк тебе товарищ!

Все поняли: разговор будет неприятный, и стало очень тихо.

— Ребята! — звонко сказала Элла. — Я виновата перед Севою и Витей и прошу у них прощения!

По правде говоря, прощения у меня никогда не просили, и я растерялся. Винт же встал и вышел, хлопнув дверью.

— Сева, — протянула она мне руку.

Не хотелось мне этого делать, но никуда не денешься, не могу же я ее за Винта простить. Взял я и подал ей ногу.

— Ой, как противно! — не выдержала Лидочка-тихоня.

Знаю, что противно, но делать нечего, вышел вслед за Винтом.

— Так будет с каждым! — сказал мне Винт в коридоре.

— Отстань! — крикнул я. — Надоел ты мне!

Хорошо, звонок зазвенел, и не надо было дальше объясняться.

После уроков мне на базар надо было, бабушка целую страницу исписала на память: лук, картошка, укроп и все такое.

— Куда ты? — Винт спрашивает.

— По хозяйству.

— Хочешь, помогу?

Я промолчал: нравится — пусть идет. Неприятный осадок у меня после этой истории в классе.

— Не злись, Кухня, — сказал Винт. — Че ты?!

— Дураком себя чувствую.

— Ты дураков не видел, — успокоил он. — Ладно тебе!

И сует мне ладонь. Я чуть-чуть помедлил, а потом свою подал. Пожали друг другу руки. Помирились, значит...

...Рынок в это время еще бедный, одна редиска. Идем, выбираем, я деньги плачу, а Винт в списке купленное отмечает. Вдруг вижу гору свежих помидоров — кругленькие, ровные, лопаются от спелости. Продавец скучает — дяденька в кепке шире плеч.

— Винт, в списке помидоров нет?

— Нет. Лук остался, и можно идти...

Что на меня нашло, так захотелось помидоров, хоть в рабство к этому дядьке иди.

— Помидора хочется, — говорю Винту.

А Винт чувствует себя виноватым и готов на все. Подходит, берет один помидор, кладет обратно, второй берет...

— Почему?

— Семь рублей, — продавец на Винта и не смотрит.

— Пойдем, ладно, — вздыхаю я.

— Дороговато, — говорит Винт.

— Проходи, проходи! — машет рукой дядька.

Вдруг вижу, Винт фокус делает: помидор обратно в кучу не кладет, а себе оставляет. Вот опять — помидор у него в руке, пасс, он уже в другой руке, а когда все думают, что Винт обратно его положил, то это обман, рука пустая. Хочу его остановить, язык отнялся, колени дрожат.

— Винт! — кричу.

Одновременно мы закричали — я и дядя в кепке. Схватил он Винта за шиворот, тот вывернулся и бежать, я за ним. Мы бежим с одной стороны прилавка, а продавец с другой. Кричит как резаный:

— Кошелек украли!

При чем тут кошелек?! Всех он взбудоражил, все закричали, заволновались. Винт юркнул под прилавки, я за ним, поскользнулся и на чьи-то корзины упал. Хватают меня сразу двадцать рук, свисток свистит, милиционер появляется. Точно, думаю, сейчас бабушка меня разбудит, и все окажется сном.

Только в милиции начинаю соображать, как все плохо и что мне сейчас будет. Сижу за барьером для преступников, неподалеку дежурный милиционер по телефону разговаривает. Рядом со мной мальчишка шпанистого вида, чувствует себя в милиции как дома.

— Влип ты! Сейчас инспектор на тебя протокол составит и в школу письмо...

Вот почему нынче помидорчики на базаре.

— Хочешь выручу? — говорит этот мальчишка.

— Выручи, пожалуйста...

Он наклоняется ко мне и начинает шептать. Сейчас у меня спросят фамилию, имя и отчество родителей, правду не говорить, а врать с умом. То есть надо назвать имя знакомого взрослого, лучше всего не в нашем городе, родителей могут сюда вызвать, а например, в Возжаевке: есть такая станция неподалеку. Присоветовал он мне родителя Захарьина Юрия Максимовича по адресу Никольская десять на станции Возжаевка. Этот Юрий Максимович — сосед моего советчика. Я еще и обдумать всего не успел, появился Винт.

— Что надо? — спрашивает его дежурный милиционер.

— А я, — Винт отвечает, — вот с этим мальчиком на рынке был, только меня не поймали.

Дежурный открыл ему барьерчик, и Винт сел рядом.

— А свое имя менять не надо? — спрашиваю я шпанистого мальчишку.

— Не надо, не надо, маленьких не учитывают...

— А он может быть моим братом? — показываю на Винта.

— Может, — говорит мальчишка.

Тут за ним пришли, он подмигнул на прощание, и больше мы его не видели. Я быстренько подучил Винта насчет его новой фамилии и нашего с ним братства. Сидим мы с ним и запоминаем наизусть: Возжаевка, Никольская десять, папа Захарьин Юрий Максимович.

В кабинете у инспектора мы трем глаза, вроде плакать хочется, носами шмыгаем.

— Мы нечаянно, мы фокус хотели показать, а потом испугались...

— Как же вы из Возжаевки здесь очутились? — спрашивает инспектор.

— Мы за батарейками сюда приехали для карманных фонариков, у нас нет в магазине...

— Как вашего папу зовут? — спрашивает инспектор.

Мы хором:

— Захарьин Юрий Максимович, Возжаевка, Никольская десять.

Мы подождали, пока он проверял наши сведения. Не подвел тот мальчишка, хоть и шпана. Живут такие люди в Возжаевке. Но дальше стало совсем худо.

Передали нас с рук на руки сонному милиционеру. Он взял нас за руки, словно мы дети, и привел на вокзал. Хорошо, никого из знакомых не видать было. Стали ждать поезда на Возжаевку.

— Вы идите, дяденька, — сказал я, — мы теперь сами...

Милиционер зевнул и ответил неопределенно:

— Служба...

Пришел поезд. Посадил он нас в вагон, проводника предупредил:

— Им до Возжаевки. Там их сотрудник встретит. Проследи.

— Из дому сбежали? — хихикнул тот. — Прослежу!

Вот во что нам бесплатный советник обошелся! Едем с Винтом и ругаемся, кто из нас виноват.

— А зачем ты полез, я тебя просил?

— А я говорил, эти фокусы до добра не доведут!

— Так ходил бы на музыку, чтоб над тобой насмеялись!..

— «Помидорку хочу!» Вот и хоти теперь!

Разозлился я и отсел на скамью напротив. Смотрю в окно, а поезд летит, и с каждым столбом мы все дальше и дальше от дома. Время от времени проводник заглядывает — проверяет, на месте мы или сбежали. Встает наш сосед по скамейке, собирается выходить.

— Уже Возжаевка? — спрашиваю.

— До Возжаевки еще час.

— Ничего себе! Уже темнеет, слышь, Винт?!

А он рукой машет вяло, совсем упал духом.

— Винт! — подсказываю я. — Лезь под лавку.

Винт послушно лезет, а я к проводнику бегу в тамбур. Он уже дверь открыл, ветер его волосы развеивает.

— Дяденька! Тот пацан убежал!

— Хе-хе-хе! — смеется проводник. — Я тот тамбур запер. Пусть бежит!

— Дяденька! Он через окно в туалете вылезть может!

— Ах, черт!..

Бежит проводник в другой конец вагона. Поезд еще не остановился, а мы с Винтом спрыгнули, покатались под откос, выскочили и побежали.

Добежали до перелеска, слышим, поезд трогается, оглядываемся — никто не догоняет.

Убежать-то мы убежали, но лучше бы нам ехать в неизвестную Возжаевку. Полустанок, где мы очутились, состоял из двух длинных домов и деревянного, размером с кулачок, как бабушка говорит, вокзальчика. А на вокзальчике пластинка висит: «93 км». Народу никого, темнеет, есть хочется. Входим внутрь — комната с печкой посредине, окошечко кассы, расписание поездов. Читали мы его, читали — ничего не поняли. Вышли — лес кругом темный, а в двух домах окна светятся, но людей не видать. Вернулись, поцарапались в окно кассы — тишина. Холодно стало. Слышим, дверь где-то хлопнула. Стучим в окошко изо всех сил.

— Откройте! Откройте, пожалуйста!

Открыла женщина и удивилась:

— Откуда вы взялись такие?

— Из города, — говорим. — Когда следующий поезд?

— Завтра, к вечеру. У нас редко какие останавливаются.

Насчет Винта не скажу, но я заплакал по-настоящему. Боюсь в голос разреветься, а слезы уже под воротник рубашки текут. Пожалела нас женщина, пустила к себе в тепло.

— Посидите, — говорит, — я вам покушать принесу.

Остались мы одни.

— Винт, как домой сообщить, что мы здесь?

— По телефону, — говорит Винт.

— Куда звонить-то? У тебя что, телефон дома?

Женщина принесла нам картошки, молока. Мы набросились на еду, даже неудобно перед посторонним человеком.

— У вас телефон есть? — спрашиваю.

— Нет, — говорит она, — у нас селектор, служебная связь.

Хорошая мысль пришла Винту в голову.

— Кухня, — говорит он, — можно отцу Эллы позвонить.

— Его уж и на работе нет.

— Не скажи! Начальники допоздна сидят.

— Тетенька, — говорю я, — а вы можете начальнику узла позвонить? Мы его знакомые.

— Боязно. Вдруг осерчает?

— Нет, — говорит Винт, — он обрадуется!

— Что с вами делать, не знаю...

Подумала тетенька, попереживала, повздыхала и стала разыскивать по селектору начальника железнодорожного узла.

— Дежуренькая, начальника узла можно?

Кнопочку выключает, и голос оттуда говорит:

— Ушел давно.

— Дежуренькая, будь ласка, позвони домой по телефону. На девяносто третьем сидят два мальчика, они по ошибке из поезда выскочили...

— Сева и Витя, — шепчу я, — которые марки собирают.

— Сева и Витя, которые марки собирают...

— Попробую, — сказала дежурная и выключилась.

— Попадет мне за вас, — покачала головой наша тетенька. — Начальник тоже марки собирает?

— Интересуется...

Затрещал селектор.

— Девяносто третий! Пусть никуда не уходят, у тебя сидят, слышишь?

— Хорошо, — ответила тетенька.

Ждали мы, ждали, успели заснуть. Винт просто так, а я у него на плече. Тетенька растолкала нас:

— Говорите!

Мы к аппарату, а оттуда голос Эллы:

— Мальчики, что случилось? Как вы там?

— Эллочка! — кричу я радостный, будто она мне родная мать. — Элла, ты на нас не обижайся, пожалуйста!

— Не буду!

— Спасибо тебе большое. Мы никак отсюда выбраться не можем, предупреди родителей. Мы тебе отплатим чем-нибудь, Эллочка!

— Все будет хорошо. Не падайте духом.

Тут другой голос вмешался, ее отца:

— Кто девяносто третий?

— Вересова, — сказала тетенька.

— Вересова, в три на проход пойдет маневровый. Остановите, скажите, что мое распоряжение...

Совсем поздней ночью нас посадили в маневровый паровоз «ОВ». «Овечка» называется. К «маневрушкам» почему-то презрительно относятся, а зря! Огонь в топке ревет, паровоз на рельсах качает, тендер скрежещет. Красота!

— Вижу зеленый, — говорит помощник машиниста.

— Зеленый, — повторяет машинист.

— Дяденька! — кричит Винт. — Свистните еще раз!

Машинист добрый попался, протягивает руку, и свист на сто километров вокруг. Кочегар топку откроет, вся кабина пламенем освещается, лицо жжет, а он уголь подбрасывает, грохает дверцей, кричит:

— Курите, наверно, шпана?

— Нет! — кричим. — Некурящие пока!

— Здоровенькими помрете! — хохочет кочегар.

Машинист укоризненно на кочегара смотрит, головой качает. Помощник — молодой, строгий — все время вперед смотрит, не улыбулся нам ни разу. Я влюбился в них во всех, даже в строгого помощника машиниста. Почему-то казалось, будто народу в мире так мало, что надо благодарить этих паровозников, радоваться, что не выгоняют и взяли тебя в компанию.

Еще собаки не просыпались, не ходили машины, а люди смотрели последние сны, когда мы приехали домой. Наш маленький старинный вокзал с колоннами блекло светился в утреннем сыром воздухе. Асфальт блестел после ночного тумана. На пустом перроне нас ждали два человека: Элла и ее отец. Элла в плащике и необыкновенной вязаной шапочке с красным помпоном, ее высокий папа — в фуражке и форменной железнодорожной шинели.

Паровоз тормозил очень медленно. Они терпеливо нас ждали. Два в общем-то чужих человека, даже не из нашего города, которых никто не заставлял не спать всю ночь, а потом идти на вокзал, встречать ничем не знаменитых вредных пацанов, сбежавших от милиции.

— Клянусь, — сказал Винт, — если она в беду попадет, я ее выручу.

Через полчаса мы входили к Винту в дом. Умела Элла людям в душу влезть, вот что я скажу! Отодрали бы Винта, меня к ним на порог не пустили бы больше за плохое влияние на товарища. А тут младшая сестренка, и говорить еще не умеет, а к Элле на колени мостится: «Иля! Иля!», брат-первоклассник ей в рот смотрит. Отец Винта, неразговорчивый, хмурый, матери приказывает:

— Прими гостью. Бывают же дети порядочные у людей!

На столе конфеты, печенье.

— Кушай, Эльвирочка, — приглашает мать, — кушай, пожалуйста. Дай я Катьку заберу.

А нас вроде не существует. Так, между прочим, Винту по затылку хлопнула, но застеснялась Эллы, сказала лицемерно:

— Кушай, сыночек, кушай, кормилец... — И мне: — А что ты сидишь?!

После такого ничего в горло не лезет.

— Уж ты не бросай этих оборотов, — говорит мать Эльвире, — а то им, чертям, одна дорога — в тюрьму...

...А у меня дома еще смешнее. Ждут меня всей семьей: бабушка, мать и отец. Они подумали, я один явился, поэтому не стесняются — лица у всех каменные, отец ремень снимает. Но показалась Элла — они Первое мая изображают: счастливые, улыбаются, отец незаметно ремень под диван сунул.

— Здравствуй, Эллочка, — поет моя мать, — здравствуй, голубушка...

Ощущение, она им дочь родная, а я макулатуру пришел собирать.

— Вы мне обещали, — говорит Элла, — не трогать Севу.

— Конечно, — кивает отец, — мы его любим. Сын, какой-никакой...

— Как я хотела девочку! — говорит мать. — Идемте чай пить!

По забывчивости я оказался последним. Тут меня бабка как по затылку долбанет — думал, голова отвалится.

— Как вы считаете, Элла, — спрашивает отец, — может, им с Витей дружить не надо?

Вот до чего мы докатились с поисками любимого в жизни дела!

Повторяю: умела Эльвира людям в души лезть. Дома у меня она заикнулась о герани: мол, милый цветок. Эта самая герань всю жизнь у нас на окне стоит. Еще в третьем классе меня бабушка за нее гоняла — я авторучку промывал и чернила в цветок вылил. В воскресенье с утра ко мне вся семья пристала: тебе к Эллочке в гости, чистую рубашку надень, причешись. А бабушка горшок с геранью в руки сует — подарок.

Иду я по городу с цветком в руках. Винт разговаривать не хочет, только «да», «нет», «не знаю»...

— Все-таки Эльвира не такая, как все, — говорю я, — красивая, отзывчивая, а если б еще па-

паном была, то вообще не знаю! Разве я б кому-нибудь ташил эту герань?! Ни за что!

Остановился Винт и стоит.

— Иди один, если хочешь.

Возмутил он меня.

— Совесть есть? Ты поклялся все для нее сделать!

— Из пожара вытащить, подраться с кем-нибудь за нее — пожалуйста, а так...

Надоел он мне со своей хандрой, не стал я его уговаривать, пошел один. Догоняет.

— Не ходи к ней, — бормочет, — не надо нам с ней водиться. Ты уж верь мне, Кухня, лучшего друга у тебя не было и не будет. Ты мне роднее, чем брат. Она гипнотизерка, понял? Черная и белая магия...

— Ты суеверный!

— Ни во что такое не верю. Но она не хочет, чтоб мы дружили! Она всю эту канитель завертела, чтоб нас поссорить.

Задумался я крепко. На первый взгляд, Винт неправ, но задумаешься — есть в его словах и правда.

— Если, — говорит Винт, — мы раздружимся, я уйду в другую школу...

Дело серьезное. Совещались мы, так прикидывали и эдак, спорили. Решили честно пойти и обсказать суть дела, культурно, без всяких обид. Умная — поймет, а глупая... что ж, тогда мы не виноваты.

Заходим, у меня дара речи нет. Она такая сверкающая к нам навстречу выбежала, ждала, наверное, а мы опоздали. По нашему виду догадалась о плохом, говорит тихонько:

— Что вы у порога стоите?

Даже на мой цветок внимания не обратила. Я стою как пришибленный с этим горшком, а Винт целую речь произнес:

— В общем, Эльвира, мы по предметам подтянемся. А интересного дела у нас нет. Ну так что ж? Без него как-нибудь проживем. Коли когда-нибудь ты в беду попадешь — мы тебя выручим. Не стесняйся, говори, если что надо. Так что вот так.

Отдал я ей горшок с геранью:

— Бабушка тебе передала.

— До свидания, — заторопился Винт, — пошли мы, наверное...

— Может, посидите? — предложила она.

— Некогда! — Винт уже к двери повернулся.

— Посиди ты, Сева. Если Витя такой занятой.

— Ладно, — вздохнул я.

Почему я остался, непонятно. Винт ушел оплеванный, а я, предатель, уселся и сижу. Не могу ей отказать, и все!

— Очень красивая герань, — говорит Элла.

— Да, — говорю, — конечно, ты права...

— На улице тепло?

— Да, — говорю. — Ты молодец! Это очень важно — иметь интересное дело!... Коллектив... Конечно...

Отпустила она меня, добрая душа, видит, я еле соображаю.

— Иди, — говорит, — догоняй его.

Я пулей из комнаты, только прокричал с порога:

— Извини! Мы с Винтом друзья на всю жизнь.

И за дверь. Не успел отойти, послышались рыдания. Не просто всхлипы, плач, а настоящие рыдания. Вернулся я на цыпочках, заглянул в шелку: положила Эльвира голову на руки и ревет. Даже у меня в носу зашипало.

Зато Винт обрадовался, когда меня увидел! Руки стиснул, по плечу стукнул, смотрит так, будто я от смерти спасся.

— Я знал, ты настоящий друг! Она хитрая, эта девчонка, но мы, брат, тоже не лыком шиты. Какая жизнь замечательная, Кухня!

А у меня на душе кошки скребут.

— Винт, она там ревет.

— Перестанет. Девчонки вообще плаксивые. Может, она в тебя влюбилась. Они всегда плачут, когда влюбляются. Что ж из-за этого нервы себе портить?..

Настроение мне исправила Зойка Фуртичева. Из-за угла выскочила, кричит:

— Так и знала, что вы у Эллы. Сегодня обсуждение маршрута, побежали быстрее!

— Мы люди без интересов, — вздохнул Винт. — В походы не ходим...

— Неправда! — кричала эта выращивательница кактусов. — Меня за вами Митя прислал!

На пустыре, за школой, весь наш класс тренировался для похода. Валентин Дмитриевич, в спортивном костюме, с секундомером в руках, был судьей, а две команды соревновались. Мы подбежали, когда первая команда уже поставила палатку, а у другой что-то не ладилось. Потом и эти догнали, и ветер стал раздувать обе палатки — желтую и голубую. Красиво! И в поход хочется в десять раз больше, чем когда мы всего этого не видели. Уже запылял первый костер, запахло дымом, а мне покоя не дает одно обстоятельство. Почему еще вчера нас никто в упор не видел, а сегодня — со всей душой? Выясняется, Элла за нас слово замолвила, какое надо, что мы не хуже других и с интересами у нас все в порядке.

— Ну да! — не поверил Винт, а сам жадно на костры смотрит, хочется ему себя в деле показать. — Хороший она товарищ!

— Жаль, ей в поход идти нельзя, — говорит Валентин Дмитриевич, не отрываясь от секундомера, — большая для нас потеря.

— Пусть идет! — говорит Винт.

— Врачи запрещают, — вздохнул Валентин Дмитриевич.

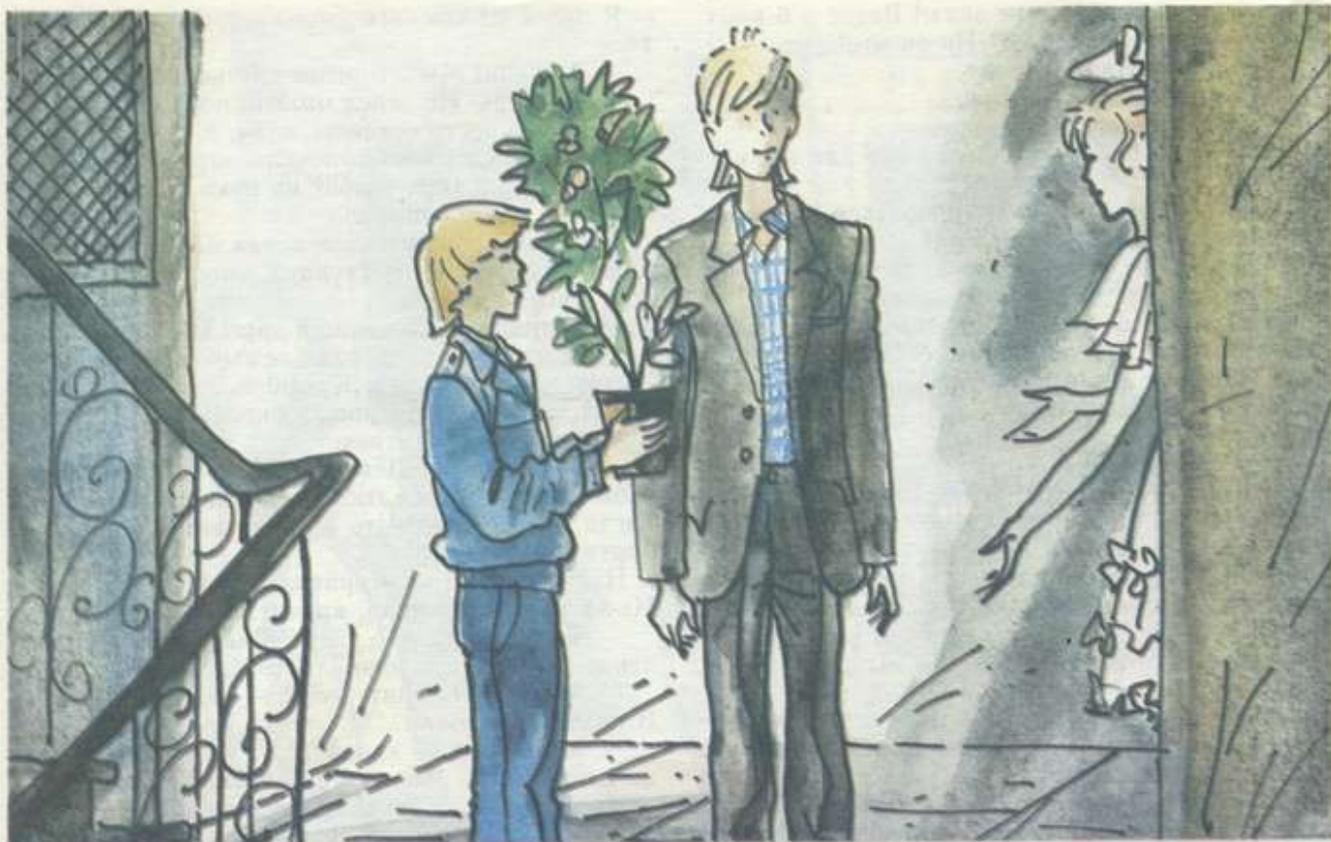
Я Винта за рубаху тяну, он отмахивается. Объясняю ему на ухо, вдруг спросят, какой у нас интерес, вдруг проверять начнут, а что отвечать? И нам крышка, и Эллу подведем. Бочком, бочком мы от класса и бегом к ее дому.

Элла очень удивилась, увидев нас дважды на дню.

— Спасибо, что соврала, — запыхавшись, говорит Винт. — Мы тебе тоже когда-нибудь пригодимся, не думай. Только что нам говорить, если спросят?

— А мы тебя подведем.

Элла пожалала плечами и сказала:

- Я никогда никого еще не обманывала.
- Ха-ха! — сказал Винт. — А что нас волнует?
- Над чем мучаемся? — добавил я.
- Ночей не спим и вообще?

Она посмотрела на нас, непонятливых, и говорит:

- У вас дружба. Вот ваш интерес в жизни.
- А это разве считается? — удивились мы.

Она кивнула, села за фортепиано, раскрыла ноты. Ей было пора заниматься любимым делом. Мы пошли, а вслед нам музыка — грустная-грустная, одинокая-одинокая. Понятная музыка, человеческая, хоть и классика.

— Я понял, почему она плакала! — остановился Винт.

Я еще вчера понял, это ребенку ясно. Приехала девочка из большого города в нашу дыру, где и поговорить-то не с кем. Человеку без компании трудно.

— Винт, — говорю, — ты клялся ее выручить.

— Я не отказываюсь, — завздыхал Винт, — только уж больно в поход хотелось.

Чтоб не было пути назад, мы пошли к Валентину Дмитриевичу домой и начали объяснять, почему в поход не идем, чтобы он не обижался и в следующий раз нас не забыл:

— Понимаете, у нас интерес к одному человеку проснулся, — говорю я. — Приходится идти на жертву...

— Человек болен, — говорит Винт.

— Понимаете, — говорю, — городок у нас хороший, но к нему привыкнуть надо, если ты приезжий...

Не очень складно получалось, все мы вокруг да около объясняли, сбивались и мешали друг другу. Валентин Дмитриевич понял — настоящего педагога сразу видно.

Вот так. А сейчас, в это самое время, пока вы в походы ходите, кино про индейцев смотрите, выращиваете кактусы или замечательно ничем не занимаетесь, мы ломаемся на музыке. Я сижу рядом с Эллой, листы с нотами переворачиваю, а Винт в кресле со сном воюет. Опять он носом клюнул, я ему за спиной Эллы кулак показываю.

— Какой темп? — спрашивает Элла. — Витя?

Витя, не долго думая, ляпает:

— Минор!

— Ха-ха! — кричу я. — Мажор. Типичный!

Элла останавливается, вздыхает, глядя на нас.

— Вы назло?

— Ни в коем случае! Что ты!

Элла начинает горячиться:

— Тупицы! Припадочные! Ежу понятно, что это умерато! Обыкновенное мужественное умерато. Чурки!

В комнату заглядывает ее папа.

— Элла, — говорит он укоризненно, — откуда такие слова?

— А ты попробуй с ними! — кричит она.

Отец качает головой, скрывается.

— Последний раз, граждане! — объявляет сердито Элла.

Живем дальше. Я через раз нотный лист забываю перевернуть, а Винт из последних сил глаза таращит. Значит, есть настоящий интерес в жизни, если такие мучения.

Mama, Papa and Baba

MAMA
PAPA
BABA